

Лежа с ним на одной кровати, она слегка перевернулась. Боясь прикоснуться к его ране, она осторожно делала каждое движение.

Казалось, что они стали одним целым. Его боль была ее болью, а его рана - ее раной.

В коридорах больницы было холодно, но в палатах было тепло. Она была укрыта одеялом, и ее волосы, еще влажные после ванны, лежали под головой. Она слегка откинула одеяло, вытянула руку, а затем осторожно распустила волосы.

При тусклом свете в палате Мо Цзиншэнь мог видеть ожоги на тыльной стороне ее рук. Бледно-голубой больничный халат прикрывал рану возле запястья, а рука была обернута белой медицинской марлей.

"У Нань Хэна много друзей, которые часто получают травмы, поэтому он знает хороших врачей. Я попросил его достать лекарство, которое может удалить этот шрам. Вам нужно будет наносить лекарство каждый день". Он говорил шепотом, вроде бы спокойно, но в его голосе слышалась боль.

Цзи Нуань посмотрела на свои руки и улыбнулась. "Все в порядке. Просто верхний слой кожи сильно обгорел, а я только что нанесла на рану немного травяной золы после ошпаривания, поэтому все казалось очень серьезным". Слой ошпаренной кожи уже отвалился, когда доктор вчера наложил на меня лекарство. Кожа и плоть внутри не очень сильно обгорели. Я думаю, они просто останутся красными и опухшими некоторое время, а затем полностью восстановятся".

Ей повезло, что она выбралась из такого места живой. Если бы она вышла оттуда без шрамов, то то, что она пережила, могло бы оказаться просто сказкой.

В любом случае, это был всего лишь слой ошпаренной кожи. Со временем рана затянется. От нее не останется глубокого шрама.

Мо Цзиншэнь отвел взгляд, и его рука под одеялом взяла ее руку.

Цзи Нуань напомнила ему: "Просто держи ее слегка. Не держи его слишком сильно. Это будет тянуть руку и лопатку".

"Я знаю." сказал он равнодушно. Его явно немного раздражал тот факт, что она обожглась.

Однако он не был мелодраматичным мужчиной, как и она не была мелодраматичной женщиной. Эти следы прошлого могли доказать, что они жили и умерли вместе.

Такие следы были более значимы, чем любое обручальное кольцо, подарок или сувенир.

Очевидно, все еще находясь под действием анестетика, Мо Цзиншэнь несколько устало закрыл глаза.

Цзи Нуань лежала рядом с ним, меняя тему разговора, пытаясь заставить его отдохнуть.

"Почему ты спросил меня, часто ли я ходил на реку Лос-Анджелес или нет в прошлом?"

"Разве?"

"...ты спросил вчера, когда самолет приземлился!"

"Ну, тогда, наверное, да".

"Вам делали операцию под общим наркозом. Твоя голова тоже была под наркозом? Ты даже забыл, о чем спрашивал меня вчера".

"У тебя не было операции, но ты также многое забыл, не так ли?"

"..."

Цзи Нуань спросил, "Так когда мне было 16 лет, это тебя я выловил из реки Лос-Анджелеса в ту ночь, когда мы с другом разлучились из-за разбитого фонаря?".

Мо Цзиншэнь улыбнулась.

Казалось, что она не потеряла память, но не понимала, что случайно спасла ему жизнь, поэтому не воспринимала это всерьез.

Он закрыл глаза и крепче сжал кончики ее пальцев. "Я был ранен еще серьезнее, чем в этот раз, когда вертолет базы XI взорвался в тысяче метров над рекой Лос-Анджелес, и я упал раненым в реку. Если бы не ты, меня бы снесло в водопад ниже по течению, и в мире не было бы Мо Цзиншена".

Значит... она действительно...

Только что пережив все события в Камбодже, она не слишком удивилась его словам.

Ей было лишь любопытно, и она вдруг повернула голову, чтобы посмотреть на лицо мужчины, находившегося рядом.

Она вспомнила ту ночь, лампа была разбита, и река была темной. Она только заметила, что на его теле, кажется, было много крови. Возможно, она смотрела слишком много американских фильмов о войне, и ей захотелось сыграть роль героини, поэтому она хотела спасти его, незнакомца.

Молодая и смелая, она не испугалась, когда увидела, что на его теле так много крови, а лица она не разглядела.

А потом позвонил ее потерянный друг и попросил ее пойти на мост и вернуться с ней в школу, поэтому она осторожно помогла ему добраться до безопасного места на берегу и поспешила прочь, не дожидаясь, пока он очнется...

Она не ожидала, что этим человеком был Мо Цзиншэнь.

Эти воспоминания были на десятилетие дальше от Цзи Нуань, поэтому для нее это было очень далеким воспоминанием.

"Значит, брак по договоренности между семьей Мо и семьей Цзи был предложен тобой? Ты сделал это, чтобы... отплатить мне?" В ее голосе внезапно появилась дрожь.

Нет! Только не это! Ей это не нравилось!

Мо Цзиншэнь улыбнулся. "Нет, есть много способов отплатить тебе. Мне не нужно продавать себя".

Цзи Нуань: "...". Продавать себя? Значит, Мо Цзиншэнь подставил ей плечо?

"Брак по расчету предложил мой дед, но последнее слово было за мной. Вначале я знал, что это ты, поэтому просто уделял тебе больше внимания. Но в конце концов, настоящая причина, по которой я согласился на брак, не имела ничего общего с тем, чтобы отплатить тебе".

"Тогда в чем же причина?"

Он посмотрел на нее. "Вы уверены, что хотите, чтобы я, пациент, лежал здесь и рассказывал вам так много?"

"Только один раз..."

"Я вдруг почувствовала, что очень хочу спать".

"Просто ответьте на один вопрос, хорошо? Я не смогу заснуть, если вы мне не скажете!"

"Я очень хочу спать".

Раньше она не знала, что у них была такая связь. Теперь, когда она это узнала, ее любопытство разгорелось, но он просто держал ее в напряжении и больше не говорил об этом.

"Просто расскажи коротко, хорошо?"

Он больше ничего не сказал, только взял ее пальцы в свою ладонь и нежно погладил марлю, обмотавшую тыльную сторону ее руки. Он закрыл глаза, как будто действительно собирался заснуть.

Цзи Нуань хотела продолжить расспросы, но потом подумала, что ему только что сделали операцию прошлой ночью и она разбудила его рано утром. Она пошевелила губами.

Несмотря на нежелание, она все же закрыла рот и не мешала ему, лежа рядом и глядя на него.

Мо Цзиншэнь действительно быстро уснул; казалось, он терпел сонливость, чтобы поболтать с ней. Цзи Нуань должна была признать, что страх перед тем, что случилось с ней в те дни, исчез. Все, кроме вопросов и любопытства, казалось, было вытеснено из ее сознания, а чувство паники исчезло.

Она смотрела на него так некоторое время, пока, наконец, не почувствовала сонливость. Она медленно вынула свою руку из его ладони, а затем медленно положила ее ему на грудь, ощущая его ровное сердцебиение. Его сердцебиение и звук ударов, казалось, проходили сквозь марлю, обертывающую ее ладонь, перетекали из руки в конечности, согревая кровь и нервы и возвращая ей давно потерянное чувство безопасности.

Подумав, что единственным хорошим поступком в ее жизни было спасение мужа, она поднесла руку ко рту и, не в силах сдержаться, рассмеялась, как ребенок. Боясь быть обнаруженной Мо Цзиншэнем, она поспешно отвернулась и продолжила смеяться.